

Региональное измерение: Грузия и Южный Кавказ после войны

Уве Хальбах

Из шести кавказских войн, произошедших в период после 1990 года, только «пятидневная война» в Грузии в августе 2008 года вышла – в отличие от всех предыдущих региональных конфликтов – за рамки Кавказа, повлияв на течение мировой политики. Но какое значение эти события имеют для региона – Грузии и Южного Кавказа? Что касается Грузии, то для нее речь идет в первую очередь о территориальной целостности. С момента провозглашения независимости страны государственная власть еще ни разу не распространялась на всю признанную международным сообществом территорию Грузии. Кроме Абхазии и Южной Осетии, объявивших о своей независимости, временно из-под контроля Тбилиси выходили и другие территории (Аджария, Панкисское ущелье и др.). Глубокие рвы, и прежде отделявшие Абхазию и Южную Осетию от Грузии, теперь уже кажутся практически непреодолимыми. Требования западных партнеров о сохранении территориальной целостности Грузии теперь все больше напоминают ритуальные заклинания. Россия, которая в апреле 2008 года, реагируя на споры вокруг Косово и планы вступления Грузии в НАТО, усилила поддержку обоих сепаратистских образований, теперь совершила шаг, от которого прежде воздерживалась: признала их дипломатически. 26 августа президент Медведев вопреки резкой критике международного сообщества и действующим резолюциям ООН согласился с соответствующими решениями обеих палат российского парламента. Нарушение территориальной целостности в дни войны и после ее завершения коснулось и основной территории Грузии. Операция по «принуждению Грузии к миру», которой российская армия 8 августа ответила на грузинское наступление на столицу Южной Осетии Цхинвали, перешла в операцию наказания, оккупации и ослабления соседа, который с российской точки зрения уже давно проявлял непокорность. Россия временно оккупировала часть страны и потребовала создания буферных зон у границ Южной Осетии и Абхазии, которые должны находиться под ее военным контролем. При небольших размерах Грузии такие «зоны безопасности» охватывают целые регионы страны: так, в зоне на западе страны у границ с Абхазией оказалась почти половина населения провинции Мингрелия (Самегрело), сюда попали также военный аэродром в Сенаки и подходы к порту Поты. Лишь в ходе второго тура переговоров с президентом Франции Саркози (08.09.2008) российская сторона дала более четкие, определенные во времени обязательства по выводу своих войск из основной Грузии и буферных зон, в которые предполагалось ввести 200 наблюдателей от ЕС и ОБСЕ.

Военные действия были направлены против объектов, символизировавших грузинские амбиции. Так, временно занятый российскими войсками порт Поти прочно связан с претензиями Грузии на роль страны, обеспечивающей транзит через Кавказский перешеек. С помощью значительных зарубежных инвестиций его предстояло превратить в узел, который грузины со свойственной им выпендренностью называли «кавказским Дубаем». В дни войны страна была расчленена на западную и восточную части, вернувшись к своим историческим очертаниям до присоединения к царской империи, когда она состояла из Западной и Восточной Грузии. Согласно первым оценкам, прямой ущерб гражданским инфраструктурам составил примерно 400 миллионов долларов США¹. Этот ущерб был нанесен стране, 40% населения которой еще до начала войны жили за чертой бедности и где сейчас наряду с большим количеством людей, изгнанных из мест проживания в ходе сепаратистских войн начала 90-х годов XX века (среди них более 200 тысяч грузин из Абхазии), приходится обеспечивать необходимым новых беженцев (по данным УВКБ ООН, это порядка 130 тысяч человек). Исходя из этого, США предоставили Грузии для восстановления инфраструктуры помощь в размере одного миллиарда долларов США.

При президенте Михаиле Саакашвили Грузия в период с 2004 года увеличила долю военных расходов с 0,5 до 7 с лишним процентов ВВП. Тем самым она вписалась в общую картину стремительного вооружения стран Южного Кавказа, темпы которого являются одними из самых высоких в мире. Еще в 2006 году Комиссар ЕС по иностранным делам госпожа Ферреро-Вальднер отмечала очень высокий уровень военных расходов в этом регионе, где гораздо более насущной задачей является решение серьезных социально-экономических проблем². Что касается военной инфраструктуры, то в ходе российской операции пострадали, в частности, показательные объекты, которые должны были продемонстрировать приближение грузинских вооруженных сил к стандартам НАТО – например, военная база в Сенаки. Грузинская армия, модернизированная в последние годы при массовой поддержке США и Турции, в результате боевого столкновения с российскими войсками была наголову разбита. Российская сторона придает большое значение констатации того факта, что ее войска и танки, столкнувшись в Южной Осетии с модернизированной, хорошо оснащенной армией противника, подавили ее в кратчайшие сроки. Она празднует победу в «первом успешном российском блицкриге».

Президенту Саакашвили поначалу удалось превратить унижительное военное поражение во внутривосточную победу. Оккупация Россией части основной территории Грузии, сопровождавшаяся к тому же демонизацией «режима Саакашвили», побуждала грузинское общество к патриотическому сплочению вокруг своего президента, который в иных обстоятельствах был бы вынужден отвечать на критические вопросы по поводу своей конфронтационной политики в отношении сепаратистских регионов. Усиленная поддержка со стороны западных партнеров также

1. Russia vs Georgia: The Fallout, 28.08.2008 (International Crisis Group Europe Report Nr. 195), p. 14.

2. www.caucas.com, 01.09.2006.

прикрывала грузинское правительство, которое с осени 2007 года подвергалось значительному внутривластическому давлению. В дни войны и непосредственно после нее грузинская оппозиция вела себя очень сдержанно. Но 9 сентября прозвучали первые призывы об отставке Саакашвили.

Несмотря на военное поражение, Тбилиси оказался в выигрыше в том плане, что ему удалось реализовать свое давнее стремление к тому, чтобы сильнее вовлечь представителей международной политики в разрешение конфликтов на Южном Кавказе. Хотя скорого решения о сроках вступления Грузии в НАТО и не ожидается, отношения Грузии с западным военным альянсом стали более интенсивными. На специальном заседании министров иностранных дел стран-членов НАТО, состоявшемся 19 августа, было решено создать Комиссию Грузия-НАТО, которая будет обсуждать вопросы оказания помощи при восстановлении грузинских структур безопасности. В середине сентября Совет НАТО проведет заседание в Тбилиси. 1 сентября на конференции по проблемам Кавказа 27 государств-членов ЕС обсуждали подходы к грузинскому кризису. Решений о санкциях против России принято не было, но государства-члены договорились, по крайней мере, о согласованных дипломатических действиях и общих основах диалога с Москвой. Грузия уже давно высказывала пожелание, чтобы ЕС проявлял большую активность в регионе, теснее сотрудничая при этом с международными организациями – например, с ОБСЕ. Прежние форматы поддержания мира и ведения переговоров в связи с конфликтами вокруг Абхазии и Южной Осетии, где главенствующую роль играла Россия, Тбилиси отверг, ссылаясь на то, что Россия не является нейтральной стороной, равноудаленной от сторон конфликта, что она сама – одна из этих сторон. Тбилиси утверждал, что Россия хочет сохранить за собой часть Кавказа, а не сохранить мир, что ее политика – это «*piece keeping, not peacekeeping*». Еще до войны в Южной Осетии, особенно с апреля 2008 года, ЕС усилил свою дипломатическую активность в конфликтных зонах Кавказа, проводя при этом, однако, политику, которую можно охарактеризовать как «работу вокруг конфликта» (*working around conflict*), а не как «работу над конфликтом» (*working on conflict*). Это были меры по укреплению доверия, восстановлению экономики в зонах конфликтов, посреднические усилия, но не альтернатива миротворческой деятельности России.

В свете последних событий возникает вопрос: могут ли вообще сохраниться существовавшие до сих пор механизмы международных переговоров и миссий наблюдателей? Что произойдет с комитетами и миссиями – такими как Группа друзей Генерального секретаря ООН по Грузии (Россия, США, Великобритания, Германия, Франция) или UNOMIG (Миссия ООН по наблюдению в Грузии) после признания Россией Абхазии и Южной Осетии?

Работа по урегулированию конфликтов на Южном Кавказе включает в себя также армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха, где напряженность в последнее время растет и где Россия – наряду с США и Францией – также выступает в роли главного посредника. На линии перемирия между Нагорным Карабахом и Азербайджаном, не охраняемой никакими миротворцами, в начале марта произошло вооруженное

столкновение, подобных которому не было уже много лет. Хотя ни Армения, ни Азербайджан до сих пор не сделали никаких внятных политических заявлений в связи с грузинским кризисом, обе страны вовлечены в этот кризис. Они пострадали хотя бы уже из-за нарушения транзитных путей через Грузию. Группа предпринимателей из Армении и Турции заявила, что после войны на Кавказе не осталось действующих торговых путей. Поэтому необходимо вновь открыть границу между обеими странами, закрытую в 1993 году.

В контексте грузинского кризиса враждующие друг с другом Турция и Армения пытаются найти пути к сближению. Глава турецкого правительства Эрдоган предложил Москве, Тбилиси и Баку план «платформы сотрудничества и безопасности на Кавказе». Подхватив его идеи, министр иностранных дел Германии Штайнмайер выступил с «широким планом стабильности на всем Кавказе». Эти инициативы напоминают, правда, прежние планы по обеспечению стабильности на Кавказе, ни один из которых не был осуществлен.

В Азербайджане, являющемся главным поставщиком энергоносителей на Южном Кавказе, теперь опасаются, что инвесторы заново пересчитают риски по маршрутам трубопроводов. Но с еще большим вниманием здесь наблюдают за российской и международной политикой в отношении сепаратистских образований, поскольку Азербайджан наряду с Грузией и Молдовой относится к государствам на пространстве СНГ, которые больше всего страдают от сепаратизма. Подобно Грузии он проявляет все большее нетерпение в связи с недостаточным участием международных сил в разрешении своего нерешенного регионального конфликта и уже в четыре раза увеличил свои военные расходы (до двух миллиардов долларов в 2008 году). Если между Арменией и Азербайджаном вновь разразится вооруженный конфликт, это военное противостояние вряд ли завершится через пять дней. Кризисная дуга неразрешенных, еще недавно считавшихся «замороженными» сепаратистских конфликтов на постсоветском пространстве выходит далеко за пределы нынешней «горячей точки» в Грузии. ■

Перевод статьи Фонда «Наука и политика» сделан по заказу Посольства Германии в Москве